

**«Кусочки хлеба были тяжелые,
липкие»: страшная правда о блокаде
Ленинграда глазами семилетнего
мальчика**

«ХЛЕБ ДАВАЛИ ЛИПКИЙ, СО СТУДЕНИСТОЙ ПРОСЛОЙКОЙ»

Когда началась блокада, Юрию Цыганову было семь с половиной лет. В ленинградской квартире остались только он, мама и младший брат Славик. Отец, командир взвода морской пехоты, ушел на фронт - в 1942 году он погиб при попытке расширить Дорогу жизни на Ладоге.

- Я до сих пор очень хорошо все помню. Мы жили на втором этаже. Мама работала, мы с двухлетним братиком часто оставались одни. Боялись: кругом сирены, гудки, взрывы бомб. Помню страшный день, когда мама была дома. Внезапно взвыла сирена - противный, визгливый звук. Мама быстро надела на меня пальто, зимнюю шапку. Я стоял напротив окошка, завешенного черной бумагой, в двух метрах позади меня - стена. Вдруг - нарастающий свист: во двор упала бомба. Меня сдуло, как пушинку, я ударился о стену затылком и спиной. Удивительно, что все стеклышки из окна меня облетели, попали только между пальцами рук. Мама пострадала, посыпались кирпичи и ударили братику по голове. Позже, в эвакуации, он умер, - рассказал КП-Новосибирск Юрий Цыганов.

С осени 1941 года начался повальный голод. Ленинградские семьи выживали только на хлебе и воде. Нормы выдачи хлеба занижали пять раз, самой низкой была 125 граммов в день. В том хлебе была только половина настоящей муки, остальное - подсолнечный или хлопковый размолотый жмых и пищевая целлюлоза.

- Кусочки были коричневые, тяжелые, липкие, под коркой - студенистая прослойка. Такой плохой хлеб мы получали 35 дней, начиная с середины ноября, и больше ни одной крошки не выдавали. Иногда доставалась просто плитка жмыха, со скорлупой от семечек. Он казался таким вкусным! Я до сих пор люблю запах подсолнечного нерафинированного масла. На третьем этаже в нашем доме располагались партизаны.

Мама получала на отца папиросы «Беломорканал» по аттестату. Я ходил к партизанам и менял эти папиросы на кусочки сахара и сухари. Помню, приходил как-то к бабушке, которая жила неподалеку. Есть хотелось страшно, сосало под ложечкой. Говорил: «Бабушка, у тебя зубов ведь нет, дай корочку». Она говорит: «Внучек, да я сама ее разжую». Сейчас смешно вспоминать, а тогда страшно голодали, - вспоминает Юрий Цыганов.

ДЕВЯТЬ МАШИН УШЛИ ПОД ЛЕД

Зимой, когда наступило самое страшное время, семья пыталась уехать из блокадного города. Не получилось. Но тут словно Бог уберег...

- Было предложение эвакуироваться по льду Ладожского озера зимой. Пригнали 10 автомашин-полуторок. Мы с мамой и братом пришли на пункт сбора, но места нам не хватило. Мама плакала, мы потащились с вещами обратно. Позже, когда машины переезжали через Ладогу, налетели немецкие бомбардировщики - девять машин ушли под лед вместе с женщинами, детьми, стариками... - вздыхает блокадник.

Самолет вывез семью Цыгановых в Кировскую область только в мае 1942 года. Эвакуировались они вместе с сестрой матери и ее маленьким сыном. В Кирове они заселились в одной избе. Тогда здоровье у восьмилетнего Юры подорвалось. Только чудом он сумел выжить.

- Мне стало все так безразлично. Я не хотел ничего есть, исхудал, не поднимался с постели. Вскоре погиб мой братик, а вслед за ним - тетя и двоюродный брат. Мужа тети отпустили с фронта, он вез сироп из шиповника для сына, но не успел... Этим сиропом потом отпоили меня, поставили на ноги. С тех пор наша семья неоднократно переезжала в разные области, разные ССР. Здоровье я поправлял в Сортавале - всего 150 километров от Ленинграда, а какая разница в климате! В Новосибирск перебрался только в 1971 году, с тех пор здесь и живу. В послевоенные годы я проходил

службу в органах исполнения наказания на офицерских должностях,
- говорит Юрий Цыганов.

Новосибирск стал вторым домом для 128 тысяч ленинградцев. Сюда эвакуировали десятки предприятий, вузы, музеи и театры. Здесь впервые прозвучала Седьмая Ленинградская симфония Дмитрия Шостаковича.

